

ГУЛЬЗИРА КУАТОВА / МАНАТ МУСАТАЕВА

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
ФУТУРАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА
«ОМОН РА»**

**Representation of the functional-semantic field of futurity
in the Victor Pelevin's novel "Omon Ra"**

Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, категория времени, семантика футуральности, художественный текст, постмодернизм, Виктор Пелевин

KEY WORDS: functional grammar, functional-semantic field, category of tense, futural meaning, artistic text, postmodernism, Victor Pelevin

ABSTRACT: In this article the authors consider realization of futural meaning in the artistic text – in Victor Pelevin's novel "Omon Ra". The futurity is treated as a functional-semantic field according to functional grammar in version of A. V. Bondarko. The authors consider several expression forms of futurity which represent the different levels of language system: morphological, lexical, lexical-syntactic, syntactic, and contextually caused. These forms are described in terms of their frequency in the postmodern text.

Предметом данного исследования является реализационный аспект семантики будущего времени, или семантики футуральности, а именно – ее репрезентация в тексте художественной литературы. Выбор романа Виктора Пелевина «Омон Ра» в качестве материала исследования обусловлен его спецификой как факта литературы постмодернизма, одна из особенностей которой – в семантическом аспекте – состоит в том, что содержание текста соотносится с одним из возможных миров, то есть с так называемой виртуальной действительностью, существующей в воображении автора.

Теоретики постмодернизма утверждают, что для текстов этого типа характерна симуляция – культивирование виртуальных моделей действительности или так называемых симулякров (см.: Бодрийяр 2015). Симулякр определяется как «способ осуществления событийности, который реализуется в акте семиозиса и не имеет иной формы бытия, помимо перцептивно

-символической», а также как «средство фиксации трансгрессивного опыта» (Можейко 2001, 727). С коммуникативно-вербальной точки зрения симулякр, как пишет М. А. Можейко, «служит особым средством общения, основанном на реконструировании в ходе коммуникации вербальных партнеров сугубо коннотативных смыслов высказывания» (там же). Категория симулякра содержит в себе квинтэссенцию постмодернизма как философии и символической практики, которая отрицает референтную репрезентативность понятий и знаков (см.: Kiklewicz 2016, 22ссл.). За постмодернистским текстом, иными словами, не стоит протодействительность.

Каждое литературное произведение, как известно, в большей или меньшей степени (ср. лирическую поэзию и документальную прозу) включает в себе элемент фикции, однако литература постмодернизма отличается особым радикализмом такого рода трансценденции: в содержании текста – по воле автора – сталкиваются разноплановые события, участвуют герои из разных эпох, совершаются несовместимые с логической точки зрения, контрафактивные действия.

Будущее время также в определенном смысле (и в определенных границах) виртуально, потенциально: временная перспектива (то, что наступит после момента речи) не дана нам в непосредственном ощущении – является результатом/продуктом интенциональных состояний, в частности, таких как прогнозирование, планирование, предвидение, предсказание и др. Разумеется, можно встретить факты так называемого будущего сопоставительного – будущего с точки зрения события, которое совершено в прошлом. А. В. Бондарко (1990, 17) приводит в связи с этим следующие примеры:

- (1) Он был ужасно раздражен против Гоголя. Впоследствии до к а ж е т это его письмо к нему и ответ Гоголя.
- (2) В отроческие годы Булгаков становится страстным, увлеченным читателем. Он открывает для себя Гоголя, которого отныне б у д е т б о г о т в о р и т ь всю жизнь.

В приведенных примерах нельзя усматривать потенциальность – с точки зрения речевого субъекта, так как события, выраженные с помощью глаголов будущего времени, являются для него осуществившимся фактом. Но совершенно другая ситуация наблюдается, например, в предложении:

- (3) Смотри, я сейчас кину ему палку на другой конец парка, он стрелой побежит за ней и п о й м а е т н а л е т у (Дина Рубина).

Употребляя форму глагола будущего времени, говорящий представляет возможный мир, своего рода прогноз ситуации, основанный на собственных

знаниях и ранее полученном опыте. Естественно, говорящий может быть в большей или меньшей степени уверен в правильности такого прогноза.

Теоретико-методологическую базу данной статьи представляет теория функциональной грамматики в версии санкт-петербургской школы, основателем которой считается А.В. Бондарко. Синтетическое представление теории функционально-семантического поля можно найти в работах А. Киклевича (Kiklewicz 2004, 24ссл.; Киклевич 2008, 125ссл.).

Будущее время является наименее перцептивной, наименее «ощутимой», «осязаемой» категорией – по сравнению с настоящим и прошлым. Так, прошлое можно вспоминать или реконструировать посредством технических средств, таких, как фотография, фильм, магнитофонная запись и др. Настоящее переживается нами, отражается в перцептивных категориях. Современные русисты придерживаются точки зрения В. В. Виноградова, согласно которой значение будущего времени заключается в обозначении течения «действия в плане будущего, отрешенном от настоящего» (Виноградов 1972, 448). В. В. Виноградов подчеркивал, что семантика будущего времени определяется его оппозицией по отношению к настоящему времени. Считается, что ожиданию событий присуща модальность, а именно – модальные значения необходимости, долженствования, возможности, потенциальности и др. (Смирницкий 1965, 332), в связи с чем некоторые ученые относят будущее время к модально-темпоральной категории (Тимофеев 2016).

Обзор грамматик русского языка показывает, что будущее время рассматривается преимущественно с точки зрения форм выражения, тогда как содержание этой категории (в частности, в семасиологическом аспекте) изучено в меньшей степени. Из языкового материала следует, что понятие темпоральности не покрывается понятием грамматического времени, а футуральность проявляется в разных формах. Например, в предложении

(4) Завтра я начну заниматься.

на будущее событие указывает грамматическая форма глагола *начну*. В другом предложении:

(5) Завтра мы начинаем репетировать.

мы имеем дело с глаголом в форме настоящего времени, но на будущее событие указывает наречие *завтра*. Даже если устранить из предложения это наречие:

(6) [Не мешайте –] мы начинаем репетировать.

семантика футуральности остается – ведь говорящий сообщает о ситуации (репетиции), которая должна наступить после акта речи. В данном случае

футуральное значение выражается или, скорее, имплицитно лексическим значением глагольного предиката (в форме настоящего времени): начинание состоит в иницировании какого-либо действия, которое предполагает свое продолжение в будущем, после завершения речевого акта. В этом смысле семантическая оппозиция *начнем // начинаем* имеет отношение, видимо, не столько к категории времени, сколько к категории длительности действия: глагол настоящего времени обозначает более длительное действие.

При изучении футуральной семантики возникает вопрос о соотносительности категории будущего времени и таксиса. Обратимся к примеру из прозы Пелевина:

- (7) Теперь через день, сменя Митька, я в лифте поднимался наверх, выходил во двор, раздевался до трусов и майки, залезал в луноход и подолгу, чтобы укрепить мышцы на ногах, ездил кругами по двору, разгоняя кур и иногда даже давя их, – конечно, я делал это не нарочно, просто через оптику совершенно невозможно было отличить замешкавшуюся курицу от, например, газеты или сорванной ветром с бельевой веревки портянки, да и затормозить я все равно не успевал.

В данном отрывке имеется цепочка действий (*поднимался, выходил, раздевался, залезал, ездил, затормозить не успевал*), которые следуют одно за другим. В определенном смысле одно действие является будущим по отношению к другому. Например, герой раздевается до трусов и майки, чтобы залезть в луноход, т.е. в момент раздевания герой планирует залезание в луноход – мы имеем дело с разными временными планами. Однако важно, что в подобных предложениях мы имеем дело с таксисными отношениями, при которых обязательным является принадлежность цепочки действий к одному временному периоду (см.: Бондарко 1987, 253; 1990, 17). Время же, в том числе и будущее время, – категория *дейктическая*, так как при этом подразумевается присутствие некоторого субъекта как точки отсчета. С такой ситуацией мы имеем дело, например, в предложениях:

- (8) Я разделся до трусов и майки, и сейчас я залезу в луноход.
(9) Я разделся до трусов и майки, и думал: «Сейчас я залезу в луноход».

В связи с этим следует обратить внимание на лексико-синтаксические формы футуральности – глаголы типа *прогнозировать, планировать, хотеть, стараться* и др., которые называют ментальные действия и состояния, связанные с ситуациями и событиями в будущем – по отношению к субъекту действия (хотя не обязательно по отношению к субъекту речи). В синтаксическом аспекте они предполагают правые коллокации в форме придаточных предложений, инфинитивных конструкций или именных групп, называющих

ожидаемые в будущем действия, состояния, положения дел. Рассмотрим пример из прозы В. Пелевина:

- (10) Я сказал, что хочу в отряд космонавтов, и полковник спросил меня, что такое советский космонавт = 'X в определенный момент времени хочет, чтобы произошло событие – зачисление его в отряд космонавтов; данное событие может относиться к более позднему моменту времени, чем данный момент времени (в котором X хочет, т.е. переживает желание).'

В приведенном выше предложении последующее событие рассматривается как ожидаемое, желаемое с точки зрения субъекта, локализованного относительно фиксированного момента времени. Поэтому несмотря на то, что мы имеем дело с формой глагола настоящего времени *хочу*, этой форме соответствует семантика будущего времени. Разумеется, такая трактовка футуральности возможна при функциональном подходе к языку – с точки зрения традиционной грамматики она была бы неправомерной.

Наше исследование, как уже было указано, опирается на грамматическую теорию А. В. Бондарко, в которой ФСП определяется как

базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций (Бондарко 1987, 11).

В ФСП футуральности фактором, объединяющим языковые средства разных типов (явных и скрытых, прямых и косвенных) и разных уровней (морфологического, лексического, лексико-синтаксического и т.д.), выступает семантика (дейктического) будущего времени. Поле футуральности является частью поля темпоральности, поэтому большинство формальных типов реализует все темпоральные значения: прошлого, настоящего и будущего.

Как отмечает А. В. Бондарко, ФСП времени может пересекаться с другими полями:

Аспектуальность вместе с временной локализованностью, темпоральностью и таксисом образуют тот комплекс семантических категорий, которые представляют собой различные стороны более общего (максимально широкого) понятия времени (Бондарко 1987, 29).

Поле футуральности пересекается, в частности, с полем наклонения – гипотетичности и императивности (Храковский 1990, 24ссл.) и частично

с комплексом полей обусловленности, а именно – с полем цели и причины. Будущее время тесно связано с повелительным и условным наклонениями – для всех этих форм характерна потенциальность.

Повелительное наклонение выражает волю говорящего, побуждающую второе лицо совершить действие после момента речи. Поэтому в предложениях следующего типа содержится футуральность:

- (11) Вспомните знаменитую историю легендарного персонажа, воспетого Борисом Полевым!
 (12) Не забывайте этого и вы, никогда и нигде не забывайте!

Условное наклонение выражает предположительность, гипотетичность называемых действий и часто маркируется морфемой – частицей *бы*. Предложения в условном наклонении характеризуются разнообразием модальных оттенков: потенциальности, вероятности, определенности/неопределенности и др., что детально описано в лингвистической литературе. В предложении

- (13) Я тоже мог бы тебе не отвечать, но, по-моему, лучше, чтобы ты был в курсе.

высказывается предположение относительно возможного хода событий, при этом имеются в виду события в будущем – с точки зрения актуальной временной координаты говорящего. Поэтому предложение можно перефразировать таким образом, чтобы в нем использовались формы будущего времени:

- (14) Возможно, я не буду тебе отвечать, но, по-моему, будет лучше, если ты будешь в курсе.

Подобным же образом к футуральности имеет отношение синтаксическое выражение цели – в этой семантике заложен результат действия, который относится к периоду будущего:

- (15) Наши в Японию уехали, насчет совместного полета договариваться.

Конструкция с инфинитивом (*улетели договариваться*) имеет целевое значение: ‘улетели с целью, чтобы договариваться’. В момент времени, к которому относится *отлет наших в Японию*, заключение договора представляет собой событие, которое должно произойти позднее. При этом не важно, к какому времени относится целеполагающее действие: к настоящему, прошлому или будущему:

- (16) Наши уезжают/уехали/уедут договариваться насчет совместного полета.

Из наших наблюдений следует, что по своей структуре поле футуральности обладает предикативным ядром, так как специализированными формами выражения этой семантики являются морфологические средства, а именно – грамматические формы будущего времени глаголов (простые или сложные). Как и другим ФСП, полю футуральности свойственно «отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых данным полем формальных средств» (Бондарко 1987, 38). Это связано с тем, что кроме морфологических форм будущего времени глаголов для выражения футуральности используются также морфологические, лексические, лексико-синтаксические, синтаксические и контекстные (имплицативные) средства.

К морфологическому способу отнесены случаи выражения значения футуральности глаголами будущего времени, а также конструкции с условным и побудительным значением, так как в данном случае используются частицы *будто, бы, будто бы, дай/ дайте, дай/ дайте*. Ниже приводятся примеры употребления этих форм в прозе В. Пелевина:

- (17) А мы, летно-преподавательский состав, и лично я, летающий замполит училища, обещаем: мы из вас сделаем настоящих людей в самое короткое время!
- (18) – Давайте вспомним наших космонавтов и всех тех, чей земной труд делает возможной их небесную вахту.
- (19) Сейчас будь внимателен. Сбрось скорость и включи фары.

К лексическому способу (об этом способе подробнее см.: Бондарко 1990, 10) относятся лексемы с темпоральным значением типа *на следующей неделе, в следующем году, позже* и т.п., с учетом их дейктического употребления в речи. Рассмотрим в связи с этим предложение:

- (20) – Сейчас, – сказал я, вспоминая, как только что тянул на себя дверь, – сейчас... Нет. Ничего не помню.

Наречие *сейчас* употребляется здесь в значении 'в самом скором времени, скоро (о предстоящем действии, событии)'. Обычно оно употребляется с глаголом будущего времени (в конструкциях типа *сейчас приду*), однако в выражениях с эллипсисом данное наречие самостоятельно указывает на футуральность.

К лексико-синтаксическому способу относятся конструкции с каузативными глаголами, а также имеющими значение долженствования или планирования, прогнозирования существительными, наречиями, предикативами, краткими прилагательными: *требуется, надобность, нужно, надобен* и т.д. Такие маркеры соответствуют операционным формам в концепции функционального синтаксиса А. К. Киклевича (2008, 281). Например, в предложении

- (21) Пора было умирать.

Конструкция *пора было* предполагает заполнение правой позиции инфинитивов со значением действия, которое наступит позже временной координаты субъекта, на что указывает следующая трансформация:

- (22) = 'X думал/ожидал/считал, что будет естественным, если с того момента времени, в котором он находился, начнется период (пора), в течение которого (которой) он умрет'

К синтаксическому способу выражения относится имплицитное присутствие футуральной семантики в синтаксических конструкциях, чаще всего в придаточных предложениях цели (здесь приходится констатировать совмещение относительного будущего времени и таксиса, см.: Бондарко 1990, 19сл.). О корреляции футуральности и цели была уже речь выше.

К контекстному способу выражения футуральности относятся те случаи, когда семантика будущего времени присутствует имплицитно, а именно – имплицитно другими значениями. Бондарко писал, что время бывает специально не выражено – оно подразумевается, вытекает из эксплицитного содержания знаков или «из связанной с ним контекстуальной или ситуативной информации» (1987, 27). К примерам такого рода можно отнести предложение

- (23) Успех всей экспедиции зависел от точности его действий.

Сам по себе, глагол *зависеть* не имплицитно выражает футуральную семантику: контрагенты данного отношения могут относиться к настоящему или прошлому, ср. (примеры из электронного корпуса русского языка):

- (24) Цвет зависит от сорта.
 (25) При этом система категорий не зависит от конкретного языка описания.
 (26) Ее заработок зависел от ее настойчивости.

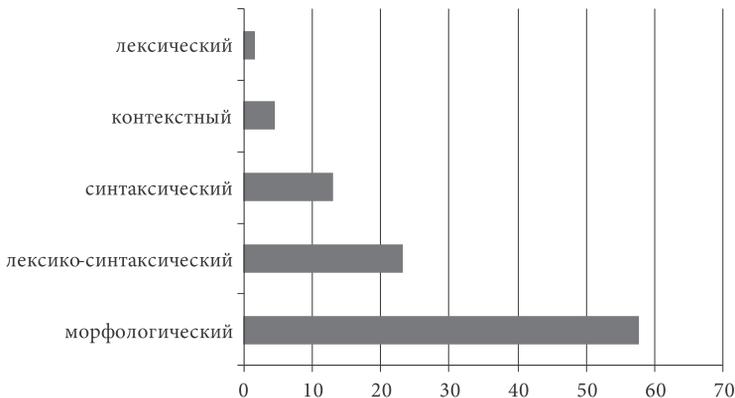
Вместе с тем в предложении (23) описывается событие, которое должно (с точки зрения дейктического центра) наступить в будущем – имеется в виду будущий *успех всей экспедиции*. Данное предложение имеет отношение к особому типу зависимости: одно положение дел (антецедент) обуславливает второе положение дел (консеквент), которое должно произойти в будущем. В связи с этим в конструкцию может быть инкорпорирован формальный показатель футуральности:

- (27) Их действия могли быть более или менее точными; от этого зависело то (они осознавали это в данный момент времени), что в б у д у щ е м всю экспедицию ожидал успех или поражение.

В романе Пелевина «Омон Ра» нами выделено 339 случаев репрезентации футуральной семантики – с учетом рассмотренных выше типов форм. Общая частота употребления отдельных типов форм приводится в нижеследующей таблице.

Способ репрезентации футуральной семантики	Общее число форм	Число форм в %
морфологический	196	57,8
лексический	5	1,5
лексико-синтаксический	79	23,3
синтаксический	44	13,0
контекстный	15	4,4
Итого	339	100

Как видим, процентное участие разных форм репрезентации футуральной семантики значительно варьируется – более отчетливо это показывает графическая форма представления количественных данных.

Количественные данные показывают, что наиболее регулярно в тексте романа реализуются морфологические формы будущего – на их долю приходится более 50%. Это тем более показательно, что текст романа представляет жизнеописание героя, включая его прошлое (с точки зрения времени повествования). Данный факт является подтверждением нашего тезиса о том, что футуральность принадлежит к ФСП с предикативным ядром.

Вторую позицию по частотности занимают лексико-синтаксические формы, почти в два раза более частые по сравнению с синтаксическими. В связи с этим можно констатировать, что участие двух ресурсов языка: лексического и синтаксического, – способствует большей регулярности языковой формы.

Что касается двух способов: контекстного и лексического, то их участие весьма скромно: суммарно на них приходится около 6% употреблений. На основании этого можно сделать вывод, что в постмодернистском тексте отдается предпочтение формам грамматического характера и транспарантным, материальным формам, которые наиболее непосредственно указывают на футуральную семантику.

Общая поэтика альтернативности, характерная для произведений постмодернизма, особенно что касается миметической сферы, т.е. отражения действительности (см.: упоминание о симуляции и симулякрах в начале статьи), не отражается в плане выражения текста, который построен в соответствии с конвенциональными нормами языка. Писатель-новатор, видимо, учитывает возможности (или границы) читательского восприятия, избегая чрезмерной энтропии текста.

Библиография

- Бодрийяр, Ж. (2015), Симулякры и симуляции. Москва.
- Бондарко, А. В. (1987), Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград.
- Бондарко, А. В. (1990), Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград.
- Виноградов, В. В. (1972), Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва.
- Киклевич, А. К. (2008), Притяжение языка. Том 2: Функциональная лингвистика. Olsztyn.
- KIKLEWICZ, A. (2016), Postmodernizm jako czynnik zmian we współczesnym językoznawstwie w aspekcie epistemicznym, społecznym i etycznym (przy uwzględnieniu innych nauk humanistycznych). W: LingVaria. XI/1, 21–34.
- Можейко, М. (2001), Симулякр. В: Грицанов, А. А./Можейко, М. А. (ред.), Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 727–729.
- Смирницкий, А. И. (1965), История английского языка (средний и новый период). Москва.
- Тимофеев, К. А. (2016), О транспозиции временных форм глагола в русском языке. В: <philology.ru/linguistics2/timofeyev-99.html> [доступ 4 декабря 2016].
- Храковский, В. С. (1990), Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа). В: Вопросы языкознания. 5, 18–36.